

Зиновий Сагалов

РОКОВЫЕ ЯЙЦА

Фантастическая трагикомедия

по М.А.Булгакову

в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕРСИКОВ – профессор зоологического
института

ЕВДОКИЯ – его жена

ПАНКРАТ – сторож

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА – представитель голых
гадов, уникальный экземпляр

ПТАХА-ПОРОСЮК – председатель Комитета
птиц и яиц

РОКК – его боевой соратник

БРОНСКИЙ – корреспондент всех журналов и
газет

ПЕНСНЕ	}	сотрудники
ЛОХМАТЫЙ		особых
КОТЕЛОК		органов

НЕКТО С МОНОКЛЕМ – наверное, иностранец

СЕКРЕТАРША

СТУДЕНТ

ПТИЧНИЦА

ОХРАНИТЕЛЬ

ВДОВА

ЖЕНЩИНА С ФОСФОРНЫМИ ГЛАЗАМИ

ЯПОНКА

РАЗНОСЧИКИ ГАЗЕТ

ЗМЕИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Авансцена. На тарелке огромная лягушка. Смотрит в зрительный зал.

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА. Ну, чего глаза пялите? Жабы не видели? Вот вы, дама... Да, да, я вас имею в виду. Что вы так уставились на меня? А если я на вас выпучусь? (*Выкатывает глазница*). Вам все хиханьки да хаханьки, развлекаться пришли, а у меня, у жабы, горе. Друга я потеряла - самого верного, самого дорогого... Человека, между прочим, да еще какого - профессора!.. Кому я теперь нужна? А между тем, за меня валютой плачено, не вульгарная жаба я и не в Клязьме какой-то родилась, а в знойной далекой стране Суринам, на самом эква-ква-кваторе. Привезли меня в Москву, в лабораторию эту, а тут переверот какой-то... Белые, красные, стреляют кругом, а жрать, извините, нечего. Только песни поют: "А паразиты никогда!" В лаборатории холод, голод... Вот и стали зверидохнуть. Сперва кролики - брык! Потом мыши - кувырк! А за ними и весь наш класс гадов бесхвостых в лучший мир переселился, то есть в выгребную яму. Одна я осталась на весь зоологический институт. И только благодаря профессору Персикову Владимиру Ипатьевичу, другу моему незабвенному. Обожал он меня, жабу, червями кормил - теми, что в муке заводятся, от смерти спасал. А тут - бац! - и мука с червячками кончилась. Талоны остались, а муки, видите ли, нет. Тогда профессор меня на тараканов перевел. А при военном коммунизме и тараканы куда-то провалились. Ну, думаю, крышка - до-ква-квакались. Хоть ложись да помирай, лягушечка. И вот тут профессор - а голова у него была хоть и лысая, а работающая! - тут профессор и сделал свое великое открытие... И все началось!..

1.

Вспыхивает белый матовый шар. Освещается лаборатория - приборы, чучела, препараты. Профессор Персиков в белом халате и меховой шапке склонился над микроскопом. Шея его обмотана толстым кашне.

ПЕРСИКОВ (*напевает*). Курикулюм, курикулюм, тара-та-та-та!.. Оч-чень хорошо! (*Подкручивает окуляр*). Просто великолепно! (*Дышит на пальцы, чтобы согреть их*). Брр!.. Так, теперь запишем. (*Берет ручку, окунает перо в чернильницу, пишет*). "Опыт №604. 16 декабря 1924 года..." (*Жабе*) Понимаешь, Суринамушка, падают царства, рушатся миры, а вот простейшая амеба, как ни крути, всегда остается амебой. И при капитализме, и при социализме она состоит из протоплазмы и ядра. Вот так-с! И никуда от этого не денешься! (*Заканчивает писать, снова припадает глазом к окуляру*). Курикулюм, курикулюм... Увеличение десять тысячч...

За спиной профессора появляется сторож Панкрат с опухшим, заспанным лицом. Переминается с ноги на ногу, покашливает, стараясь привлечь к себе внимание.

(*Не отрываясь от микроскопа*). Ты, Панкрат? Слушаю тебя, братец.

ПАНКРАТ. Тамочки... супружница ваша... Видеть вас желают...
(*Потирает щеку*). По морде меня, ей-бо...

Персиков мгновенно вскакивает.

ПЕРСИКОВ. Что же ты, голубчик? Впусти,пусти ее немедленно!

Панкрат выходит.

Боже, в такой поздний час... Может, в ГПУ приглашают?

Как фурия влетает Евдокия Персикова. На ней манто и котиковая шапочка, похожая на цветок-колокольчик.

Евдокиюшка, голубушка, что стряслось?

ЕВДОКИЯ (*вынимает из сумочки бумагу*). А вот что!

ПЕРСИКОВ (*разворачивает бумагу, читает*). "С получением сего предписывается... в двадцать четыре часа... освободить чрезмерную жилплощадь..." Ничего не понимаю...

ЕВДОКИЯ. Уплотнить нас хотят, понял? Немедленно действуй! Звони наркому! Поднимай шум! Хотят забрать нашу спальню!

ПЕРСИКОВ. А, я об этом читал...

ЕВДОКИЯ. Что ты читал?

ПЕРСИКОВ. На заборе... Написано было, что при советской власти спален не полагается.

ЕВДОКИЯ. Идиот! Ты же ученый с мировым именем! Член трех академий! Таким, как ты, все полагается!

ПЕРСИКОВ. Но ведь сейчас страшный жилищный кризис...

ЕВДОКИЯ. Ты будешь поднимать шум? Или нет?

ПЕРСИКОВ. Идея! Давай устроим спальню в столовой! А?

ЕВДОКИЯ. А столовую в туалете? Издеваешься надо мной, лягушатник несчастный! Все твои телескопы расколочу!

Евдокия пытается сбросить микроскоп со стола. Персиков изо всех сил удерживает его.

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА. Вот стерва! Хуже жабы!

ПЕРСИКОВ. Боже! Цейсовский микроскоп! Остановись!

ЕВДОКИЯ. Гад бесхвостый!

ПЕРСИКОВ. Евдокиюшка, возьми себя в руки! Опомнись!

ЕВДОКИЯ. Не возьму! Не опомнюсь!

Персикову удается наконец отстоять микроскоп. Жаба

хихикает!

(*Суринамкой жабе*). Чего вылупилась, мерзость? Кыш, кыш, проклятая!.. Окружил себя жабами, кроме них ему ничего не нужно... Крокодил бесстыжий! Ни жена, ни жилплощадь! Ну и сиди в своем болоте, квакай вместе с ними! А я!.. Есть в Москве люди, которые меня на руках носить готовы. И ананасики в ротик, и романсики на ушко!

ПЕРСИКОВ. Евдокиюшка!

ЕВДОКИЯ. Я уйду от тебя, Персиков. Навсегда!

Персиков приближается к Евдокии. Суринамская жаба квакает.

Не подходи, Персиков! Ты мне омерзителен! Живи со своей отвратительной жабой! Свет вам да любовь! (*Истерически хохочет*). У-у, тварюга! (*Убегает*).

Персиков стоит, печально склонив голову.

ПЕРСИКОВ. Ушла... Ну как бы я поглядел в глаза наркомуну? Ты ведь меня понимаешь, Суринамушка?

Жаба кивает.

(*Медленно бредет к столу, садится за микроскоп*). Нет, я не мог поступить иначе... (*Смотрит в окуляр*). И так, опыт №604... Что такое? Ничего не понимаю... Может, она сдвинула фокус? Откуда этот красный луч? Я никогда не ставил под таким углом зеркало и объектив... Боже, что творится в этой красной полосочке! Вокруг все амебы скончались, а в красном луче кипит жизнь. Идет бешеное размножение амеб! (*Кричит*). Панкрат! Панкратик!... Это неслыханно! Это гениально!

Входит Панкрат, держась за другую щеку.

ПАНКРАТ. Они, простимшись, снова вдарили... Ей-бо...

ПЕРСИКОВ. Иди сюда! Быстрее! (*Тянет Панкрата к столу и пригибает его голову к микроскопу*). Гляди, братец. Ну? Что ты видишь?

ПАНКРАТ. Воши какие-то ползают...

ПЕРСИКОВ. Эх, ты! "Воши"!.. Да это же серенькие амебы выпускают свои ложноножки и тянутся в красную полосу. Видишь?

ПАНКРАТ. Никаких ножек не вижу, ей-бо...

ПЕРСИКОВ. Да ну тебя! (*Припадает глазом к окуляру*). Что делается! Они почкуются в течение двух секунд! А какие огромные! Растут прямо на глазах!

ПАНКРАТ (*тоскливо*). Кормить-то их чем будем? А?

ПЕРСИКОВ (*отходит от микроскопа, в глубоком раздумье*). Какая чудовищная случайность... Действие луча на дейтероплазму изумительное... Это... это переворот в биологии! Но, с другой стороны, смотря как этим распорядиться... Ведь это сулит черт знает что... (*Грозно*).

Панкрат Власов!

Панкрат вытягивается по стойке "смирно".

Ты ничего не видел, Панкрат Власов!

ПАКРАТ. Так точно-с! Ничего не видел... окромя вошей.

ПЕРСИКОВ. И ничего не слышал. Ясно?

ПАНКРАТ. Как божий день, ясно: ничего, ни гу-гу... Ей-бо...
(*Крестится*).

ПЕРСИКОВ (*торжественно*). А теперь, голубчики мои, я вам признаюсь. Но только для служебного пользования... Я, Персиков Владимир Ипатьевич, кажется открыл... луч жизни! (*Целует Панкрата и Суринамскую жабу*).

Свет в лаборатории гаснет.

2.

Комитет птиц и яиц. Повсюду изображения кур. В кабинете, зарывшись в бумаги, сидит товарищ Птаха-Поросюк – грозные брови, бравые усы, военный френч. Сейчас освещена только приемная, где за столиком с телефонами сидит Секретарша. Невозмутимо продолжает пудриться, потом нехотя снимает трубку.

СЕКРЕТАРША. Комитет птиц и яиц... Товарищ Птаха-Поросюк ваших бумаг еще не рассматривал. Что? Попрошу без выкриков! Таких, как вы, у него тысячи! (*Кладет трубку*).

Снова звонит телефон.

Комитет птиц и яиц! Лимиты на петухов закончились. Не хулиганьте, а то свихнетесь! (*Бросает трубку. Еще один звонок.*) Комитет птиц и яиц... Соединить не могу.. Товарищ Птаха-Поросюк просит не отрывать. Не мешайте людям работать! (*Швыряет трубку*).

В приемной появляется репортер Альфред Бронский, молодой человек, в длинном до колен пиджаке, широчайших штанах и лакированных ботинках. В руках у него фотоаппарат на штативе.

СЕКРЕТАРША. Вы куда? Товарищ Птаха-Поросюк...

БРОНСКИЙ (*внушительно*). Пресса!... Назначено. (*Решительно входит в кабинет*).

Свет в приемной гаснет. Освещается кабинет.

Честь труду! Бронский Альфред Аркадьевич. Три снимка для московской прессы. Как договаривались.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Помню. Три минуты. Крайне занят.

ВРОНСКИЙ. Отлично. В десять минут уложусь.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Три и ни минутой больше.

БРОНСКИЙ. Постараюсь уложиться в девять.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Вам сказано - три!

БРОНСКИЙ. Ну уступите хотя бы!

ПТАХА-ПОРОСЮК. Не терзайте мне нервы! Три с половиной!

БРОНСКИЙ. Это уже что-то! Ладно, так и быть – восемь.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Вы не человек, а какой-то гротеск!

БРОНСКИЙ. Посудите сами... Аппарат – старье, хлам. Зарядить-перезарядить – это уже, считайте, две минуты. А выдержка? А диафрагму установить? Ужас, сколько времени!.. Ладно, учитывая вашу занятость, постараюсь оторвать вас на семь минут.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Оторвусь только на пять!

БРОНСКИЙ. Шесть – и по рукам!

ПТАХА-ПОРОСЮК. Черт с вами, отрывайте!

Бронский устанавливает аппарат.

БРОНСКИЙ. Снимок первый. Для журнала "Красный огонек". Заройтесь в бумаги. Ниже голову! Еще ниже! Зарывайтесь, зарывайтесь, чтоб совсем не было видно. Вот так! Очень фотогенично. Снимаю!

Вспышка магния.

Готово! Текстовка такая: "Товарищ Птахы-Поросюк с головой ушел в проблему руководства".

ПТАХА-ПОРОСЮК. Утверждаю!

БРОНСКИЙ. Прошу вас, подойдите к диаграмме. Пальцем в тридцать третий год. Там, где десять миллиардов яиц... Очень фотогенично. приготвились? Снимаю!

Вспышка магния.

Готово. Это для журнала "Красный перец". Послушайте текстовку: "Догоним по курам, перегоним по яйцам"!

ПТАХА-ПОРОСЮК. В самую точку. Утверждаю.

БРОНСКИЙ. И третий снимочек. Для журнала "Красный ворон", издание ГПУ... Подойдите ко мне. Вот так... Погрозите кулаком.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Кому – вам?

БРОНСКИЙ. Будто бы мне. А на самом деле — заокеанским господам. Вот так. Кулачище у вас хороший. Выйдет больше головы! Одну минуточку! Снимаю!

Вспышка магния.

Очень фотогенично. Дадим текстовку: "Не зарьтесь, господа, на наши яйца!"

ПТАХА-ПОРОСЮК. Именно это я и хотел им сказать.

БРОНСКИЙ. Опустите кулачок. Уже можно.

ПТАХА-ПОРОСЮК (*взвываясь в крике*). Не зарьтесь, господа, на наши советские яйца!

БРОНСКИЙ. Опустите, опустите...

ПТАХА-ПОРОСЮК. Может плюнуть еще в мировую гидру? А?

БРОНСКИЙ. Не надо, что вы! Еще в меня попадете!

ПТАХА-ПОРОСЮК. Давайте разок. Для крепости, чтоб знали.

БРОНСКИЙ. У меня на это уже и пластинок нет. Адью! Честь труду! (*Схватив аппарат, убегает*).

Свет в кабинете гаснет. Снова освещается приемная, где перед Секретаршей стоит профессор Персигов. Из кабинета выбегает Бронский. Складывает аппарат, но не уходит, прислушиваясь к разговору Персикова и Секретарши.

ПЕРСИГОВ. Голубушка, миленькая, в ваших руках судьба моего открытия... Да что там – всей мировой науки.

СЕКРЕТАРША. Разъясню вам еще раз, товарищ Персиков. Ваша заявка не по адресу. (*Отдает Персикову бумагу*). Вы просите закупить за границей змеиные яйца, а мы занимаемся куриными. Ясно? Ку-ри-ны-ми!

Звонит телефон.

(*Снимает трубку*). Комитет птиц и яиц. Вашего письма я в глаза не видела. Сами ищите! Что? Хам, вот вы кто! (*Бросает трубку*).

ПЕРСИГОВ. Странно, что же мне делать?

СЕКРЕТАРША. Ваши яйца не по нашей части.

ПЕРСИГОВ. Куда же прикажете идти? В управление коневодства? Нет, голубушка, я должен поговорить с вашим начальником. (*Направляется в кабинет*).

Секретарша вскакивает и преграждает ему дорогу.

СЕКРЕТАРША. Не хулиганьте! А еще профессор. Товарищ Птах-Поросюк просил не отрывать!

В приемную стремительно входит Рокк. На нем кожаная куртка, зеленые галифе, на ногах обмотки и штиблеты. На боку в желтой кобуре маузер.

Секретарша почтительно пропускает его в кабинет.

ПЕРСИКОВ. А его почему пропустили?

СЕКРЕТАРША. Да это знаете кто? Рокк!

ПЕРСИКОВ (*возмущенно*). Не знаю и знать не хочу! (*Усаживается на стул*). Пока меня не примут, никуда отсюда не уйду! Вот так-с!

СЕКРЕТАРША. Ну и нахал! Пристал с этими яйцами! (*Вырывает из его рук бумагу*). В четверг на той неделе рассмотрим на яичной комиссии.

ПЕРСИКОВ (*просияв*). Голубушка, милая!... Вы... Вы... войдете в историю науки!

СЕКРЕТАРША. В какую еще историю?

ПЕРСИКОВ. Ваше имя я упомяну в своей работе о размножении голых гадов. Вот увидите! (*Кланяется и уходит*).

СЕКРЕТАРША. Делаешь людям добро, а они тебе гадости в морду! (*Садится*).

Бронский подходит к столу и ловко выхватывает заявку из рук Секретарши.

(*Вскрикивает*). Ай! Вы что?

БРОНСКИЙ (*зловещим шепотом*). Тссс! У прессы свои интересы! (*Делает в блокноте заметку и возвращает заявку*).

Приемная погружается в темноту.

Освещается кабинет Птахи-Поросюка.

РОКК. Да, товарищ, Птаха-Поросюк, в городе Стекловке вспыхнула эпидемия. Я только что оттуда. Во всех дворах лежат зачочневшие куры.

ПТАХА-ПОРОСЮК. А в нашем образцовом хозяйстве?

РОКК. В смысле кур все чисто.

ПТАХА-ПОРОСЮК. И брамапутры?

РОКК. Все до единой.

ПТАХА-ПАРАСЮК. А индийский петух?

РОКК. Свалился с нашеста вниз головой и в такой позиции кончился.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Волосы встают дубом от твоих новостей.

РОКК. Мор перекинулся на соседние районы. В Волокаламске объявился пророк, стал проповедовать на базаре, что падеж кур вызван комиссарами. Возмущенная толпа куроводов выбила стекла в помещении

местной санитарной станции.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Оргвыводы сделаны?

РОКК. Так точно.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Что с пророком?

РОКК. Задержан органами и прекратил свою деятельность.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Оперативно!

РОКК. Стекла в санстанции вставлены.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Докладывайте дальше.

РОКК. В район эпидемии приехал профессор Португалов. В печени мертвых кур им обнаружена бацилла чумы.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Португалов извращает. Не верю ему – он сын священника. Я сижу на яйцах уже второй год и кое в чем разбираюсь.

РОКК. А если вызвать Полуземского? Светило науки!

ПТАХА-ПОРОСЮК. Еще что! Полуземский левый эсер. Нет, Рокк, такие светила нашему революционному небу не нужны! Удивляюсь тебе, красный боец. Притупил бдительность, растерял классовый подход. Пиши!

Рокк берет ручку и лист бумаги.

(Диктует). "Образовать чрезвычайную тройку в составе шестнадцати товарищей..."

РОКК *(пишет)*. По борьбе с куриной чумой?

ПТАХА-ПОРОСЮК. "По поднятию куроводства и яйценоскости". Это не чума, Рокк, а вредительство. Злобная попытка сорвать нашу яичную кампанию.

РОКК. Начинаю понимать!.. Ну, господа, не выйдет!

ПТАХА-ПОРОСЮК. Просчитались!

ПТАХА-ПОРОСЮК и РОКК. Сотрем в порошок!

Затемнение.

3.

Лаборатория профессора ПЕРСИКОВА. Посередине диковинная камера, в оконцах которой видны мигающие малиновые огоньки. Слева, за столом, сидит вихрастый студент, готовясь к экзамену. Что-то судорожно пишет, пользуясь шпательками. Он достает их из ботинок, из уха и прочих неожиданных мест.

На авансцене — Суринамская жаба.

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА. Что, забыли обо мне? Думаете, сдохла? Как бы не так — живу! Жру от пуза. А чем питаюсь? Что? Тараканами? Да я на эту пакость и глядеть бы сейчас не стала. Не те времена. Персиков меня гигантскими амебами кормит, их в этом ящике миллионы. Ядра выплевываю — жесткие. А протоплазма — вкуснятина! (*Облизывается*).

Со скрежетом открывается дверь камеры. Выходит профессор Персиков с ложечкой в руке. Подходит к Суринамской жабе и начинает ее кормить.

ПЕРСИКОВ. Ешь, ешь, Суринамушка... Амебочки вкусненькие, да? Это тебе не то, что таракашки... Главное теперь, лягушечка моя, не торопиться. Поставить опыты, все хорошенечко проверить. На головастиках вроде бы наши идейки подтвердились. Теперь вот, Бог даст, змеинные яйца пришлют, мы их тоже в эту камеру... И тогда! Ох, жаба ты моя милая, дух захватывает!.. Что нам тогда Жюль Верн? Что Уэллс? Какой в сущности вздор их фантастика! Здесь, в этой лаборатории, приподнимается завеса самой великой тайны — тайны бытия!.. Вот вы, молодой человек... (*Поворачивается к Студенту, который пытается прочесть сделанные на колене записи*). Что вы там делаете со своей ногой?

Студент поспешно опускает штанину.

К вашему сведению, молодой человек, слово шпаргалка пришло к нам из польского. Оно означает "бумажка". Но у вас ведь записи даже на пятках. Это уже не по правилам, это черт знает что!

Студент трясется от страха.

Скажите мне просто: чем отличаются голые гады от пресмыкающихся? Ну? Поставлю зачет.

СТУДЕНТ. Они... эти... значит... Гады прыгают, а пресмыкающиеся... они... это... ползают.

ПЕРСИКОВ. Скажи, Суринамушка, может он после этого заниматься зоологией?

Жаба отрицательно мотает головой.

(*Студенту*). Тазовых почек нет у голых гадов. Они напрочь отсутствуют. Вот и все. Стыдитесь. Вы, вероятно, марксист?

СТУДЕНТ (*угасая*). Марксист...

ПЕРСИКОВ. При всем уважении к товарищу Марксу мне придется вас зарезать.

СТУДЕНТ (*с мольбой*). Профессор...

ПЕРСИКОВ. Зарежу, сударь, для вашей же пользы. Приходите осенью. Вот так-с!

Студент, собрав в охапку учебники, выходит. Персиков подходит к камере, двигает рычажки, нажимает какие-то кнопки.

Курикулюм, курикулюм, тра-тат-та-та...

Входит сторож Панкрат.

ПАНКРАТ. Тамочки... пришли до вас.

ПЕРСИКОВ. Я занят и никого не принимаю.

ПАНКРАТ. Из гепею, они говорят.

ПЕРСИКОВ. Что им от меня надо? Спальню забрали, столовую тоже. *(Вздыхает)*. Ладно,пусти его.

Панкрат выходит, и через мгновение появляется репортер Альфред Бронский.

БРОНСКИЙ. Тысячу извинений, глубокоуважаемый профессор! Прошу вас принять меня по общественному делу печати... Альфред Бронский, сотрудник сатирического журнала "Красный ворон", издание ГПУ, а также московских журналов „Красный Огонек", "Красный перец", "Красный Прожектор" и газеты "Красная вечерняя Москва".

ПЕРСИКОВ. Я занят, страшно занят.

БРОНСКИЙ *(сладко)*. Раз вы заняты, профессор, значит, вы работаете. А раз вы работаете, то, извините, над чем? Может быть, вы сделали мировое открытие? А?

ПЕРСИКОВ. Я не обязан вам давать никаких объяснений.

БРОНСКИЙ *(открывая блокнот)*. Вопрос первый: для чего вам понадобились змеиные яйца?

ПЕРСИКОВ *(вскинувшись)*. Откуда вам известно про змеиные яйца?

БРОНСКИЙ. О, журнал "Красный ворон", издание ГПУ, все знает. И так, слушаю вас...

ПЕРСИКОВ. Я не намерен ничего публиковать, пока не закончу эксперимент... Тем более в этих ваших газетках.

БРОНСКИЙ *(наступая)*. Верно ли известие, что красный луч...

ПЕРСИКОВ. Какой луч? Кто вам сказал про луч?

БРОНСКИЙ. Ваш сторож. Он заявил мне, что профессор занят и не отходит от луча новой жизни.

ПЕРСИКОВ. Черт бы побрал этого Панкрата! Поймите, луч, над которым я работаю, еще далеко не исследован, писать об этом преждевременно. Могу только сказать, что он действительно повышает жизнедеятельность протоплазмы.

БРОНСКИЙ *(поспешно)*. Во сколько раз?

ПЕРСИКОВ. Что за обывательские вопросы? Ну, предположим, в тысячу.

Бронский строчит в блокноте, исписывая страницу за страницей.

Что вы там пишете?

БРОНСКИЙ. У прессы свои интересы. (*Хищно*). И получаются гигантские организмы?

ПЕРСИКОВ. Они больше обыкновенных. Но ведь главное не величина, а невероятная скорость размножения.

БРОНСКИЙ. Размножение – это прекрасно! Сколько же времени требуется, чтобы из икринки вылупился головастик?

ПЕРСИКОВ. Секунд пятнадцать-двадцать.

БРОНСКИЙ. Поразительно! А если, предположим, взять корову?

ПЕРСИКОВ. Что?!

БРОНСКИЙ. Получим теленочка?

ПЕРСИКОВ. Какого теленочка?

БРОНСКИЙ. Маленького, с рожками... Часика за полтора?

Жаба хохочет.

ПЕРСИКОВ (*схватившись за голову*). Я схожу с ума! Вон! Сию же минуту! Я вижу по вашему лицу, что вы напишете какую-нибудь мерзость! Вон! И не приходите сюда! Чтоб вашей ноги здесь не было! (*Выталкивает Бронского из лаборатории*).

Затемнение.

4.

Улица. Гул толпы, звонки трамваев.

На домах буйство вывесок и реклам:

"ЦУПВОЗ", "ЦУПТРАНС", "Пивной бар", "СТОП-СИГНАЛ", трактир "КУКУ", "БРЫВСЕЛЬПРОМВГНУ", "РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ №93", "УНИТОРГ", "ЭЛЬПИТ-РАБКОММУНА", транспарант "ТУБЕРКУЛЕЗНЫЕ, НЕ ГЛОТАЙТЕ МОКРОТУ".

Снуют мальчишки – разносчики газет. Горланят громкоговорители.

ПЕРВЫЙ РАЗНОСЧИК. Кошмарное убийство на Малой Бронной!

ВТОРОЙ РАЗНОСЧИК. Кошмарное открытие луча жизни профессора Персикова! Три копейки, граждане! "Красная вечерняя газета"!

ТРЕТИЙ РАЗНОСЧИК. Кошмарная эпидемия кур! Миллионы

жертв кошмарной диверсии!

РАДИОРУПОР. Для борьбы с интервенцией в области куроводства образована чрезвычайная комиссия в составе наркомздрава, наркомзема, комитета птиц и яиц и тов. Рабиновича.

ПЕРВЫЙ РАЗНОСЧИК. Профессор Персиков заявил: "Свое открытие я посвящаю московскому пролетариату".

ТОЛПА:

— Слышали? Зарезали кого-то на Малой Бронной.

— Персикова зарезали.

— Не зарезали, а отравили.

— Гнилыми яйцами!

— Не яйцами, а персиками.

— Кошмар! Куда смотрит милиция?

— Эти профессора — сволочи! Зажирели за нашими спинами.

— Персиками обжираются!

ВТОРОЙ РАЗНОСЧИК. Купите "Красный Прожектор"! "Красный Прожектор"! Кошмарные подробности международного заговора против советских кур!

РАДИОРУПОР. Все граждане, владеющие яйцами, должны в срочном порядке сдать их в районные отделения милиции.

ТРЕТИЙ РАЗНОСЧИК. Журнал "Красный Ворон"! Интервью с профессором Персиковым. За десять секунд — головастик, за полчаса — теленок!

5.

Лаборатория. Персиков у камеры. Нажимает кнопки, двигает рычажки.

ПЕРСИКОВ. Курикулюм, курикулюм... (Вынимает карманные часы). Еще три секундочки и поглядим на наших головастиков...

Аварийный сигнал. Мигает синяя лампа.

Ай! Что случилось? Катастрофа! (Быстро нажимает кнопку, отключает камеру). Беда!.. В чем же дело? (Открывает камеру).

В проеме видна чья-то голова с оттопыренными ушами.

Какой потрясающий головастик! Какой уникальный экземпляр! Ай да Персиков! Ай да молодец!... Что?!

Из камеры появляется некто с мефистофельским лицом, обтирает платком лоб и вставляет в правый глаз монокль. Персиков в ужасе отпрыгивает в сторону.

ПЕРСИКОВ. Вы... Вы кто?

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Ну и жарница там! Как в преисподней!
(Громко хохочет).

ПЕРСИКОВ. Кто вы такой? Как вы туда забрались? Панкрат!

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Не трудитесь, профессор, он не услышит. Мне пришлось презентовать... этому вашему... как вы его назвали?... Ах, да, Панкрату... маленький пузырек с очень крепкой рябиновой жидкостью. Товарищ Панкрат обрадовался как ребенок и мирно заснул.

ПЕРСИКОВ (*кричит*). Извольте представиться! Что все это значит?

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Я есть полномочный шеф отделов иностранных представительств. Извините за такой способ знакомства, но ведь вы никого не принимаете. Миль пардон... Приступаю прямо к делу. Время, как говорится, деньги. Итак, профессор, вы открыли луч жизни?

ПЕРСИКОВ. Помилуйте, какой такой жизни?

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. О, я прекрасно понимаю ту скромность, которая составляет истинное украшение настоящих ученых. Но газеты, профессор, прославили вас на весь мир.

ПЕРСИКОВ. Я, сударь, газет не читаю.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. В мировых городах, как-то: в Варшаве, в Париже и в Каса-де-Карабинарос уже все известно насчет луча. Даже африканские пигмеи знают ваше имя. "Персиков"! повторяет весь мир с надеждой и восхищением.

ПЕРСИКОВ. Прекратите сейчас же эту чепуху!

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Но... Но всем прекрасно известно, профессор, о жутком положении ученых в Советской России. Антр ну суади... (*Озирается*). Здесь нет посторонних? Увы, мы знаем, что здесь не умеют ценить ученые труды. Поэтому одно иностранное государство хочет предложить профессору Персикову совершенно бескорыстно помощь в его лабораторных работах. Зачем здесь метать бисер, как говорится в священном писании... Иностранному государству известно, как тяжело профессору пришлось и в году девятнадцатом, и в году двадцатом во время этой... хи-хи...революции. Конечно, строгая тайна, я понимаю... Профессор только познакомит нас с чертежами своей чудесной камеры, а мы... (*Вынимает из кармана пачку денег*).

ПЕРСИКОВ. Панкрат!... Ах, да... Немедленно прочь отсюда!

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Здесь пять тысяч, профессор. И это не рубли, нет... Видите, старец напечатан на зеленой бумажке? Это вечный старец. С долларами можно на такой женщине жениться, что все рты расстегнут... Но это только задаток, сущий пустяк... Расписки не надо, вы меня даже обидите, если...

Персиков бросается к телефону, снимает трубку.

ПЕРСИКОВ. Барышня, дайте мне эту... как ее... Лубянку.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Сакраменто! *(Вырывает трубку)*. Мадмуазель, мы ошиблись: не Лубянку, а Таганку! Мерси! *(Отдает Персикову трубку)*. Вы со мной так не шутите, профессор! Бон суар! До новых встреч! *(Мгновенно исчезает)*.

ПЕРСИКОВ *(по телефону)*. Алло, барышня! Я просил Лубянку. Да нет же, не Таганку, а Лубянку... Спасибо. Алло, это профессор Персиков из зооинститута... У меня тут был какой-то подозрительный субъект, доллары предлагал... Да, я жду. *(Вешает трубку)*.

Входит Бронский. Он в шляпе и черных очках. Неузнаваем.

БРОНСКИЙ. Фарцайен зи битте, херр профессор, дас их штере. Их бин митарбейтер дес Берлинер Тагсблатс.

ПЕРСИКОВ. Их бин моменталь зер бешефтигт унд канн зи десхальб етцт нихт емпфанген.

БРОНСКИЙ *(снимая очки)*. Честь труду, дорогой профессор.

ПЕРСИКОВ. Чтоб вы пропали! Это снова вы?

БРОНСКИЙ. Маленькая маскировка в общественных интересах прессы.

ПЕРСИКОВ. Какую пакость вы написали в газетах о моей работе! Чтоб вашей ноги здесь не было. Уходите!

БРОНСКИЙ. Пару минуточек, дорогой профессор. Я только один вопросик и чисто зоологический. Что вы скажете за кур?

ПЕРСИКОВ. Послушайте, как вы можете писать, если вы даже говорить не умеете по-русски. Что это за "пара минуточек"? Или "за кур"? Вы, вероятно, хотели спросить "насчет кур"?

БРОНСКИЙ. Не беда, Валентин Петрович поправит.

ПЕРСИКОВ. Кто это такой Валентин Петрович?

БРОНСКИЙ. Литредактор наш новый, Катаев фамилия. Способный паренек.

ПЕРСИКОВ. Ладно, в сторону вашего Валентина Петровича. Все вы там способные. Что вам желательно знать насчет кур?

БРОНСКИЙ. Какая, по вашему мнению, причина теперешней катастрофы?

ПЕРСИКОВ. К-катастрофы?

БРОНСКИЙ. Вы истинный ученый, парите в облаках. А на земле, профессор, куриный мор. Мы остались без яиц. Понимаете? В кооперативных ресторанах вместо омлета подают только устрицы. Ужас!

Входят Трое с Лубянки — один в пенсне, другой с лохматым чубом, третий в зеленом котелке.

ПЕНСНЕ. Особый отдел. (*Отвернув борт пиджака, показывает профессору значок*). Вы звонили?

ПЕРСИКОВ. Я.

Котелок, вынув лупу, тщательно осматривает лабораторную камеру.

Лохматый подходит к Бронскому.

ЛОХМАТЫЙ. Где доллары?

БРОНСКИЙ. Чтоб я так знал!

ПЕРСИКОВ. Это не он. Тот исчез.

ЛОХМАТЫЙ. Разберемся. Пройдемте, гражданин.

БРОНСКИЙ. Что за шутки? Я — Бронский, журнал "Красный Ворон", издание ГПУ. Я — ваш!

ПЕНСНЕ. Профильтруем.

БРОНСКИЙ. Весь профильтрованный. Весь! С ног до головы!

ЛОХМАТЫЙ уводит Бронского. Котелок извлекает из камеры калоши.

ПЕРСИКОВ. Вот-вот! Это его калоши. Того, кто доллары предлагал.

Котелок тщательно осматривает и обнюхивает калоши.

КОТЕЛОК. Мэйд ин Гваделупа, буржуазные. Запах тлетворный. (*Персикову*). Где же доллары?

ПЕРСИКОВ. Этот тип исчез вместе с ними.

ПЕНСНЕ. Собирайтесь, профессор.

ПЕРСИКОВ. Я? За что, помилуйте? Это ведь несправедливо, я ничего не совершил... И потом... Как же я оставлю мою лабораторию, мою камеру?

ПЕНСНЕ. Не волнуйтесь, камеру мы для вас найдем.

Затемнение.

В луче прожектора СУРИНАМСКАЯ ЖАБА.

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА. Там хоть паек дадут. А здесь?.. (*Пускает из глаз слезы*). Как говорят у нас в Суринаме, пришла беда — отворяй ворота!

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

6.

Птичий двор в совхозе "Красный луч". В глубине сцены — застекленное здание оранжереи. Слева и справа портреты породистых кур и петухов. На столбе табличка: "ЧУМА. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА". Повсюду груды дохлой птицы. Лишь одна курочка, как ни в чем ни бывало, клюет зернышки и мирно кудахчет. Возле нее Птичница в резиновых перчатках и защитной маске.

ПТИЧНИЦА. Цып-цып-цып... Ах ты, моя умница... (Сылет перед курочкой зерно). Ешь, миленькая, ешь... Цып-цып-цып...

Визг автомобильных тормозов. Появляются Птаха-Поросюк и Рокк. На обоих, как и положено в зоне эпидемии, скафандры, защитные накидки, резиновые сапоги. Переговариваются между собой по рации, поэтому мы слышим их разговор в механической записи, с искажениями и радиопомехами.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Я Птаха-Поросюк. Ты меня слышишь, Рокк?
Прием.

РОКК. Я Рокк. Слышу вас. Прием.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Если наша хохлаточка выживет, мы утрем нос мировому империализму. Прием.

РОКК. Все буржуйки подошли — и брамапутры, и вилохвостые, и цейлонские. А нашей, советской, как видите, и чума нипочем. Прием.

ПТАХА-ПОРОСЮК. От нее пойдет новая порода кур. Порода, рожденная в жестокой схватке с чумной интервенцией. Прием.

РОКК. Я уже вижу, как миллионы хохлаток с энтузиазмом кладут яйца в корзину трудового народа.

ПТАХА-ПОРОСЮК (поет). Курочка, курочка, зернышки клюет...
Прием.

РОКК (поет). Курочка, курочка на чуму плюет... Прием.

Внезапно курочки кувыркнулась набок и жалобно закатила глаза.

ПТИЧНИЦА. Хохлаточка, миленькая, что с тобой? Цып-цып-цып... Испей водицы... Господиисусе!..

РОКК. Это Рокк. Вы меня слышите? Прием.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Волосы дубом встали. Что делать, Рокк? Что делать? Нам сорвут головы с этими скафандрами. Прием.

Курочка повернулась на спину, несколько раз дрыгнула лапками и замерла.

ПТИЧНИЦА. Святители угодники! (*Рыдает*). Хохлатушка!...

ПТАХА-ПОРОСЮК. Последняя курочка... Вечная память. Прием.

РОКК. Это Рокк... Клянусь вам, товарищ Птаха-Поросюк, мы не капитулируем... Мы возродим куроводство... У меня есть идея! Прием.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Черт тебя побери, какая идея? Прием.

РОКК. Нам нужен луч профессора Персикова!

7.

Кабинет в Особом отделе. На письменном столе — калоши. Пенсне и Лохматый допрашивают Персикова.

ПЕНСНЕ. Опишите наружность вашего гостя.

ПЕРСИКОВ. Противная физиономия, дегенерат какой-то.

ПЕНСНЕ (*Лохматому*). Рубинштейн?

ЛОХМАТЫЙ. Рубинштейн даст без расписки? Не смейся! Это не рубинштейнова работа. Тут кто-то покрупнее.

ПЕНСНЕ. Скажите, Персиков, вы знакомы с неким Бартоломео Беккари?

ПЕРСИКОВ. Конечно!... То есть, лично я его не знаю. Но его труды по эмбриологии голых гадов...

ПЕНСНЕ. Отставить гадов. Переписывались с ним? Да или нет?

ПЕРСИКОВ. Разумеется, он ведь первоклассный специалист, профессор Римского университета.

ПЕНСНЕ. Все ясно. Где и когда вы были завербованы иностранной разведкой.?

ПЕРСИКОВ. Завербован? Я?

ЛОХМАТЫЙ. Ваш сообщник Бронский на фильтрации во всем признался.

ПЕНСНЕ. Оказался матерым.

ПЕРСИКОВ. Этот репортеришка?

ЛОХМАТЫЙ. С шестнадцати лет работал на японскую разведку.

ПЕНСНЕ. А вы, Персиков?

ПЕРСИКОВ. С Японией я никаких связей не поддерживал. Там, видите ли, особая фауна... Правда, чесночницы и бляшконосные...

ПЕНСНЕ. Не забивайте нам голову бляшконосными! Говорите по

существо!

ЛОХМАТЫЙ. Чьи калоши?

ПЕНСНЕ. Назовите разведку, с которой вы сотрудничали.

ЛОХМАТЫЙ. Сигуранца?

ПЕНСНЕ. Интеллидженс Сервис?

ЛОХМАТЫЙ. Сюрте Женераль?

ПЕРСИКОВ. Да я и слов таких сроду не слыхивал!

ПЕНСНЕ. Вот что, Персиков, будем молчать или будем говорить?

Звонок телефона. Пенсне снимает трубку.

Особый отдел. (*Почтительно встает*). Слушаю вас!... Персиков? Да, он у нас... Сию минуту. (*Передает трубку Персикову*). Из Кремля...

ПЕРСИКОВ (*по телефону*). Да, я профессор Персиков... Видите ли, пока что это лишь гипотеза. Проведены первые опыты. Нужна ли мне помощь? Да, если бы вы смогли... Я заказал за границей яйца... Нет, змеиные... Но до сих пор... Если бы можно было ускорить... Спасибо, большое спасибо... Нет, нет, автомобиль мне не нужен, я предпочитаю ездить в трамвае. Хорошо, передам... (*Дает трубку Пенсне*).

ПЕНСНЕ (*по телефону*). Понял вас! (*Кладет трубку*). Ах, Персиков, Персиков! Какой вы однако скрытный человек! Крупный ученый, сделали важное государственное открытие, а на следствии ни в чем не признались... Нельзя так, дорогой, нельзя...

Свет в кабинете гаснет.

8.

В луче прожектора Суринамская жаба.

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА. Дело закрыли, калоши сожгли, Бронского шлепнули, профессора выпустили. Нам, голым гадам, жить стало не лучше, но зато веселее...

Освещается лаборатория. Персиков хлопчет возле камеры.

ПЕРСИКОВ. Курикулюм, курикулюм, тра-та-та-та... (*Громко*). Панкрат!

Возникает Котелок.

КОТЕЛОК. Слушаю вас!

ПЕРСИКОВ. Кто вы такой?

КОТЕЛОК. Вася.

ПЕРСИКОВ. Я вас где-то уже видел... Вы не просто Вася. Вы — отсюда?

КОТЕЛОК. Так точно, именно отсюда.

ПЕРСИКОВ. И что же привело вас отсюда — сюда?

КОТЕЛОК. Приказано быть при вас. Безотлучно, днем и ночью.

ПЕРСИКОВ. А спать когда же?

КОТЕЛОК. Мы одним глазком спим, а другим работаем. На то и поставлены. Окна, двери, входящие и исходящие — все по нашей части. Отвечаю головой. Можете трудиться, профессор, в полнейшей безопасности.

Телефонный звонок. Персиков пытается снять трубку, но Котелок его опережает.

Не извольте беспокоиться! (По телефону). Алло!

ПЕРСИКОВ. Гм... ловко у вас поставлено дело.

КОТЕЛОК (в трубку). Профессор занят. Кто его беспокоит? Вдова? Какая вдова? (Персикову). Она говорит — пылкая и невинная. (По телефону). Откуда вы знаете профессора, товарищ вдова? А, вы слышали его доклад о действии луча на яйцеклетку? Вы что же, интересуетесь этой проблемой? Да? И что же вы хотите? Чтобы профессор ...что? Женился на вас?

ПЕРСИКОВ. Пусть лечится у профессора Россолимо!

КОТЕЛОК (в трубку). Не слышу, повторите. У вас квартира из семи комнат?

ПЕРСИКОВ. Пошлите ее к черту!

КОТЕЛОК. Профессор заинтересован вашим предложением.

ПЕРСИКОВ (возмущенно). Послушайте, Вася!..

КОТЕЛОК (по телефону). Будьте добры телефончик... Так, запомнил. Адью! (Кладет трубку). Как пить дать, шпионка. Профильтруем. А вы, профессор, приучайтесь работать в обстановке строгой секретности. (Исчезает).

Персиков подходит к столу, садится за микроскоп, подкручивает окуляр.

ПЕРСИКОВ. Курикуллом, курикуллом... Опыт №831. Наблюдается разрастание эпителия. Окружающие ткани... Ай! (Боязливо озирается, закрыв ладонью рот). Тсс!... Как же я так неосторожно. Вот простофиля, вот болтун! Я ведь работаю в обстановке строгой секретности... (Громко). Ничего не наблюдается! Эпителий не разрастается! (Тихо) А вдруг они уже слышали?

Освещение меняется, возникает зловещая музыка. В причудливом свете за спиной Персикова как видение

появляется ВДОВА.

Что вам здесь надо?!

ВДОВА. Твой доклад о яйцеклетке! Он потряс меня!

ПЕРСИКОВ. А, вы — вдова? Та самая?

ВДОВА. Да, семь комнат. Пылкая и невинная! (*Приближается к нему*). О соблазнитель... я не ведаю что творю!

ПЕРСИКОВ. Не смейте трогать мои записи! Шпионка! Диверсантка!

ВДОВА. У меня семь комнат на Смоленской площади. Не убегай от меня, милый! Мой талантливый, мой одаренный!

Персиков забивается в угол, но рядом с ним возникает Женщина с фосфорными глазами Когда она опускает веки, слышится звук, напоминающий щелчок фотоаппарата.

ЖЕНЩИНА С ФОСФОРНЫМИ ГЛАЗАМИ (*поет*).

Поедем за границу,
в Неаполь или в Ниццу,
туда, где бьет лазурная волна...

ПЕРСИКОВ. Вася!

ЖЕНЩИНА С ФОСФОРНЫМИ ГЛАЗАМИ.

Где небо дышит страстью
и где товарищ Вася
найти нас не сумеет никогда!..

ПЕРСИКОВ. Перестаньте фотографировать! Не обволочивайте меня!

Появляется еще одна женщина — Японка.

ЯПОНКА (*церемонно кланяется*). О Персиков-сан, в стране восходящего солнца с глубокой скорбью узнали, что от вас ушла ваша жена, Евдокия-сан...

ПЕРСИКОВ. Как? Вам даже это известно? Вы из разведки? Шпионите за мной? Прочь!

ЯПОНКА. О Персиков-сан, не думайте, что в Японии есть только чесночницы и бляшконосные. Там особая фауна. Там живут гейши, нежные и покорные...

ПЕРСИКОВ. Отойдите от камеры! Немедленно!

Женщины окружают Персикова.

ВДОВА. О мой гениальный! Целуй скорее, пока нет никого из гепеу.

ЖЕНЩИНА С ФОСФОРНЫМИ ГЛАЗАМИ (*томно*). Вы дерзкий, в вас есть что-то африканское!..

ПЕРСИКОВ. Распутницы!

ЯПОНКА. Мацуоки - нацуоки, вы такой одинокий...

ПЕРСИКОВ. Шпионки! Агентки! Я вас профильтрую! Вы от меня так не уйдете! (*Подключает женщину шлангами. Булькает вода*). Естественно, чистой воды шпионки! Сигуранца! Сюртэ Женераль! Интеллидженс Сервис! Ну что, попались? Товарищ Вася! Товарищ Вася!

Возвращается обычный свет. Женщины исчезли.

(*Недоуменно озирается*). Чертовщина какая-то... Но ведь были же. И песни пели.

Входит Панкрат.

Послушай, голубчик, ты тут женщин не видел?

ПАНКРАТ. Господь с вами, профессор. Окромя жаб у нас никого нетути.

ПЕРСИКОВ. А где Вася?

ПАНКРАТ. Спят они.

ПЕРСИКОВ. Чушь! Он одним глазком спит, другим видит.

ПАНКРАТ. На оба глаза спят, ей-бо... (*Крестится*). А там ,профессор, до вас... этот... Рокк пришел.

ПЕРСИКОВ. Какой еще рок?

ПАНКРАТ. Они говорят, что с казенной бумагой... с Кремля.

ПЕРСИКОВ. Рок с бумагой? (*Смеется*). Такого не видал. Пусть войдет.

ПАНКРАТ. Слушаюсь. (*Выходит*).

В ту же минуту появляется Рокк.

ПЕРСИКОВ. Вы и есть рок?

РОКК. Через два "к". Рокк!

ПЕРСИКОВ. Очень приятно. Персиков.

РОКК. Я назначен заведующим куриным совхозом "Красный луч".

ПЕРСИКОВ. Вы специалист по курам?

РОКК (*с обидой*). Зачем же... Я не специалист. Я, профессор,

кавалерист. Скакал, рубил, гадов истреблял.

ПЕРСИКОВ (*радостно*). Голых гадов?

РОКК. Зачем же голых? Я их, профессор, с погонами рубал, на всем скаку. Теперь вот на яйца бросили.

ПЕРСИКОВ. Ну-с, а я-то причем?

РОКК. Я к вам с секретным отношением. (*Вынимает бумагу и передает Персикову*). Прошу ознакомить с камерой и передать ее вверенному мне совхозу.

ПЕРСИКОВ (*пробежав бумагу глазами*). Как же так? Без моего согласия... Они что там, с ума спятили?..

РОКК (*строго*). Кто — они? Не разводите контрреволюцию, профессор.

Рокк входит внутрь камеры и во время последующего разговора, появляется в ее окнах.

ПЕРСИКОВ. Я категорически протестую! Я не даю своей санкции на опыты с куриными яйцами. Я должен сам все проверить! Нужно же сперва во всем разобраться... Почему вы уцепились за этот луч?

РОКК. Потому что куры издохли. Все до единой.

ПЕРСИКОВ. Так что из этого? Вы хотите их воскресить? При помощи еще не изученного луча?

РОКК. У нас нет времени ждать. Знаете, какие гадости пишут о нас за границей?

ПЕРСИКОВ. И пусть себе пишут! А мы будем делать свое дело, как положено.

РОКК (*выходит из камеры*). Включайте камеру. Включайте, я вам говорю!

Персиков нажимает кнопку. Загораются и мигают разноцветные огоньки. Сияют трубки, стучат механизмы.

ПЕРСИКОВ. Кто будет отвечать за последствия, скажите?

РОКК. Я, Рокк.

ПЕРСИКОВ. Извольте-с... Вот дуговой шар. От него вы получаете пучок путем передвижения объективов, вот номер один и зеркало номер два. В окнах камеры отчетливо виден красный луч.

РОКК. Фантастика!

ПЕРСИКОВ. В луче можете все разложить и делать опыты.

РОКК. Мне нужны не опыты, профессор, а куры!

ПЕРСИКОВ. Необходимо проверить! Растить кур при помощи

луча! Какой идиот мог это придумать!

РОКК (*гордо*). Моя идея! Только не волнуйтесь, профессор. Ваш луч такой знаменитый, что хоть слонов можно вырастить, не то что цыплят.

ПЕРСИКОВ. Жаль, что вы не зоолог. Из вас вышел бы очень смелый экспериментатор... А коль будет неудача, что тогда?

РОКК. В мозолистых руках пролетариата никакой неудачи быть не может! Ясно?

Затемнение.

9.

Комитет птиц и яиц. Птаха-Поросюк диктует, Секретарша печатает на машинке.

ПТАХА-ПОРОСЮК. "Образовать добровольное общество по содействию куроводству под названием..." Как бы его позвонче назвать? Жаль, Рокка нет под рукой, мозг у него неисчерпаемый...

СЕКРЕТАРША. А если — "Доброкур"?

ПТАХА-ПОРОСЮК. А что, неплохо. Доб-ро-кур! Очень даже хорошо, и добро есть, и куры. Пишите: "... под названием "Доброкур". Теперь параграф второй. "Всем доброкурам из числа особо одаренных лиц, получающих паек в творческих союзах, незамедлительно порадовать трудящиеся массы новыми талантливыми произведениями, посвященными борьбе за возрождение куроводства". Фу, устал...

СЕКРЕТАРША. Вам эти куры сердце надорвут.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Не такое время, чтобы себя щадить. (*Глубоко дышит*). Сейчас наберусь сил и сформулирую третий параграф. (*Телефонный звонок. Снимает трубку, по телефону*). Птаха-Поросюк... (*Радостно*). Что? Уже прибыли? Нет, Персиков подождет! Все заграничные яйца направить в Можайский уезд, совхоз "Красный луч", товарищу Рокку. (*Кладет трубку*). Теперь дело закрутится.— яйца уже у нас в руках!... Итак, на чем мы остановились?

СЕКРЕТАРША. Параграф третий.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Да... (*Диктует*). "Провести первый слет "Доброкура" в совхозе "Красный луч", приурочив его к вылуп... вылуп...

СЕКРЕТАРША. К вылупанию?

ПТАХА-ПОРОСЮК. Может, к вылуплению?

СЕКРЕТАРША. К вылупыванию?

ПТАХА-ПОРОСЮК. Нет, трудящиеся массы нас не поймут. Напишем так: "... приурочив слет к выхождению цыплят из яиц". Все! Точка! Птаха-Поросюк, председатель "Доброкура".

10.

Птичий двор совхоза "Красный луч". На площадке перед оранжереей три ящика из великолепной гладкой фанеры, оклеенных заграничными ярлыками. Четко видны надписи: "Vorsicht: Eier" и "Persikoff". Фамилия Персикова перечеркнута красной краской.

Возле ящиков Рокк, Птичница и Старик с берданкой. Верхняя крышка одного из ящиков снята. Птичница вынимает несколько слоев разноцветной бумаги.

РОКК (*суется возле ящиков*). Вы потише, пожалуйста. Осторожнее, там же яйца.

ОХРАНИТЕЛЬ. Вот басурманы, сколько бумаги-то извели.

РОКК. Заграничная упаковочка. Ишь, чем нас удивить хотят.

Птичница и Рокк вынимают из ящика стружку.

(*Птичнице*). Маня, осторожнее, ты их побьешь.

ПТИЧНИЦА. Святители угодники, да что я никогда яиц не видела! (*Вынимает из ящика два яйца*). Агромальные какие!

Оба яйца покрыты каким-то странным рисунком.

РОКК. Заграница! Разве это наши мужицкие яйца?.. Все, вероятно, брамапутры, черт их возьми!

ОХРАНИТЕЛЬ. Известное дело, немцы... У них все поболее нашего, и яйца, стало быть, тоже.

РОКК (*мечтательно*). Эх, выведу я цыпляток!.. (*Спохватившись*). Только не понимаю, чего эти яйца грязные? Может, мыть их надо? Пойду на телефон, профессору позвоню. (*Уходит*).

ОХРАНИТЕЛЬ (*Птичнице*). Сказывают, как везли яйца энти по деревне, собаки как на покойника выли. Чего они, как ты думаешь, разбесились?

ПТИЧНИЦА. Ты, дед, яйца стереги, а в мировую политику не суйся. (*Уходит*).

Справа появляются Некто с моноклем и Евдокия Персикова. Оба одеты, как дачники. Евдокия держит над головой легкий зонтик.

ЕВДОКИЯ. Вы обманщик, шер ами. Шептали мне про Монте-Карло, про тропики и пальмы. А привезли в эту отвратительную деревню.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Глоток деревенского воздуха, мадам Дуня, как рюмка ликера.

ЕВДОКИЯ. Ну и упивайтесь своим ликером! А я женщина городская. Кругом грязь, навоз, мужики нечесанные! А лягушки! Стрекохут стервы день и ночь. Да я из-за этих жаб проклятых от Персикова сбежала!

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Ой, что я вижу! Самые натуральные яйца! А я уже забыл, как они выглядят! (*Подходит к Охранителю*). Простите, любезный, нельзя ли у вас приобрести дюжину этих замечательных яичек?

ОХРАНИТЕЛЬ. Не продаем.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Вот как? А почему?

ОХРАНИТЕЛЬ. Государственное дело. В машину их заряжать будем.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. В машину? А где же она?

ОХРАНИТЕЛЬ. Тамочки. (*Указывает в сторону оранжереи*).

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Любопытно бы взглянуть.

ОХРАНИТЕЛЬ (*преграждает ему дорогу*). Пущать никого не велено!

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Сакраменто!

ОХРАНИТЕЛЬ. В образцовом совхозе матюкаться не дозволено. Идите, гражданин, а то мне через вас беда будет.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. А если я вечером загляну? С гостинцем? (*Делает выразительный жест*). Только одним глазочком погляжу.

ОХРАНИТЕЛЬ. Ну, ежели одним глазочком, энто ничаво... дозволяется, одним глазочком можно...

11.

Лаборатория профессора Персикова. Камеры уже нет. На тарелке сидит Суринамская жаба. Персиков склонился над микроскопом.

Звонит телефон. Персиков направляется к телефону, но внезапно возникший Котелок уже снял трубку.

КОТЕЛОК (*Персикову*). Не извольте беспокоиться! (*По телефону*). Алло! Слушаю вас! Профессор крайне занят. Кто им интересуется? Товарищ Рокк? Что вам угодно? (*Угрожающим шёпотом*). Запрещаю вам произносить слово "яйца" открытым текстом. Говорите: "Мелкие куриные детали". Поняли? Иначе будете отвечать по делу о госизмене. (*Персикову*). Он спрашивает, нужно ли мыть мелкие детали?

ПЕРСИКОВ. Чушь собачья! Какие мелкие детали?

КОТЕЛОК (*закрыв рукой трубку*). С вами обоими не соскучишься. Вы в какой обстановке работаете? О чем я вас предупреждал?

ПЕРСИКОВ. В обстановке строгой секретности.

КОТЕЛОК. Именно. Яйца закодированы. Мы говорим о мелких деталях. Понятно?

ПЕРСИКОВ. Мелкие детали, все ясно. Так что с ними? Что он хочет?

КОТЕЛОК. Ему прислали из-за границы партию мелких деталей. А они грязные, он говорит.

ПЕРСИКОВ. Путаает что-то. Дайте трубочку.

КОТЕЛОК. Нет, нет... Не извольте беспокоиться! *(По телефону)*. Что вы путаете? Какая грязюка! Профессор возмущен!

ПЕРСИКОВ. Может быть, помет присох?

КОТЕЛОК. К мелким деталям мог присохнуть помет. Алло! Алло! Не мед, а помет! Алло!... Разъединили. *(Кладет трубку)*. Не иначе как диверсия. *(Исчезает)*.

ПЕРСИКОВ. Как тебе нравится, лягушечка, этот Рокк? Я своего заказа жду два месяца и о нем ни слуху, ни духу. А этому прохвосту моментально прислали яй... Нет, нет, я помню... Моментально прислали партию мелких деталей. Воображаю, что он там напечатает из них. И как этого невежду инструктировать, если я сам еще ничего не проверил... *(Подходит к Суринамской жабке)*. Ты, наверное, проголодалась, Суринамушка? *(Начинает кормить ее с ложечки)*. Конечно, очень возможно, что на дейтероплазму мелкой куриной детали луч окажет такое же воздействие, как и на плазму голых гадов. Очень возможно, что куры у него вылупятся. Но какие это куры будут, вот в чем вопрос. Может быть, совсем ни к черту не годные... Ешь, лягушечка, ешь. А ядрышки выплевывай... Может быть, эти куры подохнут через два дня. Может быть, их есть нельзя. А разве я поручусь, что они дадут поколение? Может этот тип выведет стерильных кур? Или, наоборот, гигантских чудовищ, которые будут размножаться с невероятной скоростью? Если это вызовет всемирный катаклизм, что тогда? Ведь никто не проверил действие облучения на эти яй... *(Пугливо озирается)*. На эти мелкие детали... Мелкие детали! Мелкие детали! Никак не могу запомнить!.. Как тяжело, Суринамушка, работать в обстановке строгой секретности. Я стал так утомляться в последнее время...

12.

Птичий двор совхоза "Краски луч" погружен в темноту. Волшебная, колдовская ночь. Сияет луна. Вдали видны ярко освещенные окна оранжерей. Оттуда доносятся какие-то неясные звуки — не то причмокивание, не то всхлипывание. Появляется Рокк. Прислушивается.

РОКК. Маня!

Выходит Птичница.

Ну как наши яички?

ПТИЧНИЦА. Ей-богу, товарищ Рокк, у вас прямо болезнь на почве этих яиц. Спать идите, все у нас, как положено.

РОКК. Зреют?

ПТИЧНИЦА. Сами, небось слышите.

РОКК (*с умилением*). Клювиками стучат, цыпляточки... Таки-таки-таки...

ПТИЧНИЦА. А в деревне про вас знаете, что говорят? Что вы антихрист. Говорят, что ваши яйца дьявольские. Грех, мол, машиной выводить.

РОКК. Вот народ! Ну что вы сделаете с таким народом?! Я же через месяц всю страну яйцами закидаю, ешь — не хочу! А они меня в антихристы зачислили. Темнота! Надо будет им собрание сделать, всех в "Доброкур" записать. Разворочу я этот медвежий угол, увидишь!.. Скажи, Маня, до завтра вылупятся наши брамапутры?

ПТИЧНИЦА. А куда им деваться? Одна дороженька — на свет божий вылупиться.

РОКК. Ты у меня в оба гляди. Чуть только начнут вылупливаться, сейчас же дай знать... Эх, Маня, таких мы цыпляток выведем с тобой — все ахнут! Орденов нам навешают — до колен! А в Кремль, вот увидишь, на открытых машинах повезут! Не смейся, Маня, это не брехня. Это тебе сам Рокк говорит!

Рокк и Птичница расходятся в разные стороны, из оранжереи, воровато озираясь, появляется Некто с моноклем. В руках у него яйцо, из которого слышится негромкий стук.

НЕКТО С МОНОКЛЕМ (*свистящим шепотом*). Мадам Дуня!

Появляется Евдокия.

(*Демонстрирует яйцо*). Вот оно, яичко... Не простое, а, как говорится в вашей сказке, облученное... Вот теперь, мадам Дуня, мы и поедem за границу.

ЕВДОКИЯ. С одним яйцом?

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Да, с одним золотым яйцом! Мы поедem не курьерским, мы помчимся не международным. Мы полетим, мадам Дуня, на дирижабле!

Стук в яйце нарастает. Вдруг скорлупа раскалывается и появляется плоская змеиная морда.

Какой странный цыпленочек! Цып-цып-цып....

ЕВДОКИЯ. Это змея! А-а-а-а!

Маленькая змея, выбравшись из скорлупы, мгновенно вырастает до гигантских размеров. Из ее раскрытой пасти выныривает что-то похожее на вилку.

Дьявол! Дьявол! (*Истошно визжит*).

НЕКТО С МОНОКЛЕМ. Сакраменто!

Змея изворачивается, бьет хвостом и обвивает обоих своими мощными пятнистыми кольцами. Некто с моноклем, как античный Лаокоон, пытается высвободиться от пут, но тщетно. Змея увлакивает его и Евдокию. Зловещее постукивание становится все громче и громче. Из оранжереи выбегают Птичница и Охранитель..

ПТИЧНИЦА (*в ужасе*). Товарищ Рокк! Товарищ Рокк!

ОХРАНИТЕЛЬ. Сюды, скорее!

Невидимый оркестр грянул марш. Появляются Птаха-Поросюк со знаменем "Доброкура" и Рокк.

ПТАХА-ПОРОСЮК. Торжественный слет "Доброкура" объявляю открытым!

ПТИЧНИЦА. Там!.. Там!..

РОКК. Да что с тобой, Маня?

ПТАХА-ПОРОСЮК. Слово для приветствия предоставляется...

Двери оранжереи распахиваются и оттуда вываливается клубок змей. Змеи выползают из окон, с крыши. Свиваясь и разворачиваясь, шаря и качая головами, они заполняют все пространство сцены.

Рокк, что это значит?

ПТИЧНИЦА. Господиисусе!

РОКК. Это удавы империализма!

ОХРАНИТЕЛЬ. Антихристы!

ПТАХА-ПОРОСЮК. Диверсия! Сплотимся, товарищи! Все как один!

РОКК (*пытаясь растянуть кобуру*). Смерть гадам!

ОХРАНИТЕЛЬ. Караул!

ПТИЧНИЦА. Люди, помогите!

ПТАХА-ПОРОСЮК. "Доброкур" не сдается! Запевай!..

ОХРАНИТЕЛЬ (*поет*). Мы германца не боимся, К туркам в плен не попадем. Мы возьмем винтовки в руки... А-а-а!...

Птаха-Поросюк, Рокк, Птичница и Охранитель, отбиваясь от змей, исчезают в шипящем, извивающемся клубке. Слышны только вопли, жалобный вой собак и зловещие вскрики ночных птиц. Сцену окутывает темнота.

13.

Лаборатория профессора Персикова. Сбоку стоит раскрытый ящик с яйцами.

ПЕРСИКОВ. Курикуллом, курикуллом, тра-та-та-та... (*Бережно берет одно яичко, рассматривает его*). Что за черт! Панкрат!

Появляется Панкрат.

Да они что же, издеваются надо мной? Что они мне прислали? Это какая-то скотина, а не Птаха-Поросюк! Я не позволю смеяться надо мной! Что это такое, Панкрат?

ПАНКРАТ. Известное дело, яйца-с.

ПЕРСИКОВ. Куриные, понимаешь, куриные, черт бы их задрал! На кой дьявол они мне нужны? Пусть шлют их этому негодяю в его совхоз. Поезжай прямо в Комитет птиц и яиц и скажи этому Птахе, этому Поросюку, что он — свинья!

ПАНКРАТ. И Птаха, и Поросюк? Выходит, две свиньи?

ПЕРСИКОВ. Одна свинья, но большая! Скажи ему, что это черт знает что такое! Что это неслыханное издевательство надо мной и над зоологией! Ты все понял?

ПАНКРАТ. Слово в слово.

ПЕРСИКОВ. Ступай!

ПАНКРАТ. Слушаю-с! (*Выходит*).

Персиков подходит к Суринамской жабе.

ПЕРСИКОВ. Что же это творится, Суринамушка? Эти проклятые куриные гм... детали везут грудями, а я два месяца не могу добиться необходимого. Вечная кутерьма, какое-то неопишное безобразия!..

Суринамская жаба вдруг начинает беспокойно ерзать на блюдце, неистово вращает глазами, квакает.

(*С тревогой*). Что с тобой, лягушечка? Ты что-то почуяла? Кто тебя напугал, миленькая?

Врывается Котелок. Взволнован, тяжело дышит.

КОТЕЛОК. Профессор! Вы, вы... Да знаете ли, что вы натворили! Экстренное сообщение! Получил по своим каналам... В совхозе произошла катастрофа. Из вашей камеры, профессор, выползли тысячи змей!

ПЕРСИКОВ. Что?! Змей?

КОТЕЛОК. Имеются человеческие жертвы. Против змей брошена милиция, конные части. Остановить их пока не удастся. Змеи вышли на Можайское шоссе и идут стаями на Москву.

Суринамская жаба пронзительно стрекочет.

ПЕРСИКОВ. Боже! Они мой заказ переслали в совхоз, а мне вот эти, куриные.... Чудовищно! Я ведь предупреждал! Этот негодяй вывел змей вместо кур! Я должен... я должен немедленно выехать на место катастрофы!

КОТЕЛОК. Не могу разрешить, профессор.

ПЕРСИКОВ. Вы понимаете, что человечеству угрожает гибель?

КОТЕЛОК. До выяснения обстоятельств приказано содержать вас под домашним арестом.

Затемнение.

14.

Улица. Возбужденная толпа. Снуют Разносчики газет.

ПЕРВЫЙ РАЗНОСЧИК. Крупная катастрофа под Можайском!

ВТОРОЙ РАЗНОСЧИК. Последние известия! Части особого назначения ведут ожесточенные бои со змеями!

ТРЕТИЙ РАЗНОСЧИК. Змеи идут к столице, откладывая невероятные количества яиц!

РАДИОРУПОР. Служащие и рабочие должны соблюдать полное спокойствие. Правительство примет самые жесткие меры к паникерам и мародерам. Виновники катастрофы будут наказаны по законам военного времени.

ТОЛПА:

— Персикова — к расстрелу!

— Это он выпустил гадов!

— Вредитель! Продался!

— Мировой злодей!

— Смерть Персикову!

ПЕРВЫЙ РАЗНОСЧИК. Змеи на подступах к Москве!

ВТОРОЮ РАЗНОСЧИК. Столица на военном положении!

ТРЕТИЙ РАЗНОСЧИК. Третьяковская галерея готовится к эвакуации!

РАДИОРУПОР. Против змеиных полчищ брошены отборные кавалерийские части и аэропланы, вооруженные газами.

ТОЛПА:

— Выручайте, братцы!

—Задавите гадов!

—Спасайте Москву!

Война змей и людей. Фантастическая сцена. Гигантские чудовища — зеленые, оливковые, пятнистые, шипя и извиваясь, ползут на авансцену. Кобры и удавы, ящеры и тритоны с демонической силой рушат деревья и дома. Вокруг пылает зарево пожарищ. Рвутся снаряды. Захлебываясь, тарахтят пулеметы. В ночном небе, изрезанном прожекторами, гудят аэропланы. Какофония ожесточенного боя вдруг неожиданно сменяется зловещей тишиной. На израненной земле, среди руин и битых скорлуп появляется Суринамская жаба..

СУРИНАМСКАЯ ЖАБА. Ну как? Теперь, вы, небось, не смеетесь?... То-то и оно-то... Неизвестно еще, чем бы эта история окончилась, если бы не мороз. Упал он в августе, такого, говорят, и старожилы не припомнят, и держался двое суток. И всех змей задушил... Но не думайте, что беда на этом кончилась. Земля начала гнить от трупов гадов и людей. Эпидемии страшные пошли, болезни всякие. Жителей пришлось вывезти в другие губернии, а армию бросили в леса и поля, чтобы обливаться керосином... Такие вот дела... Профессор Персиков во всем признался. Оказывается, представьте себе, он был самым настоящим вредителем и придумал этот свой луч, чтобы извести кур в нашей республике. Институт наш, конечно, закрыли, а меня, жабу, выдворили. Ступай, говорят, в Клязьму. Вот и иду... А где она, сама не знаю. Эй, люди, где Клязьма? *(Кричит)*. Клязьма где? Утопиться хочу! *(Делает несколько скачков и исчезает за обломками скорлуп)*.

Слышится тяжелый всплеск воды. Тишина...

И снова появляется Суринамская жаба..

Думаете, такого не было? Дескать, я все напридумала? Вот так вы всегда, люди, не верите самым правдивым историям. Оно и понятно — так жить спокойнее... А вот один человек встретил меня однажды на Клязьме-реке и, представьте себе, поверил. И все, что я ему нарасказывала, все, все записал. Вот так!.. *(Опять прыгает в воду)*.

Булькают пузыри... Этот звук усиливается, нарастает — и кажется, будто кто-то невидимый то ли всхлипывает, то ли просто смеется. На землю, покрытую обломками скорлуп, спускается темнота.

К о н е ц.